

Глава IX

КАЗНЬ

Ожидание, что может длиться дольше? Катя сидела, обхватив колени руками, положив на них голову. Снаружи люди о чем-то громко разговаривали. Сколько прошло времени с того момента как она осталась одна? Час или два? А может минут десять? Она поднялась и стала ходить, разминая ноги и затекшее тело. Передвигаясь по периметру сарая, она проводила рукой по выпирающим доскам, извлекая монотонный, но приятный звук «бам, бам, бам, бам». Тук. Маленькая прогнившая дощечка выскочила наружу. Катя лишь слегка поддела ее рукой, образовалась щель примерно в пару сантиметров. Она просунула в нее руку и попыталась выломать доску побольше, но бесполезно. Катя ударила по ней ногой. Все осталось, как и было.

– Зараза! – выругавшись, она припала к щели.

Метрах в двадцати от места ее заключения на небольшой площади к высокому деревянному столбу был привязан Владимир. Чуть дальше толпа: люди явно местные, не военные, человек пятнадцать. Тут же построились солдаты, образуя букву «П». Рядом с лобным местом находился стол, за которым сидели еще люди. Луций стоял в стороне, скрестив руки на груди. На фоне остальных выделялась сухощавая старуха. Сгорбившись, она опиралась на палку, с пониманием молчаливо смотря то на генерала, то на приговоренного. Толпа орала. Владимир крутил головой, задрал ее вверх, пытаясь выхватить из общего шума хоть что-то внятное. Один человек из тех, что находились за столом, поднялся. Все затихли. Было плохо слышно, о чем он говорит, но после его речи раздались аплодисменты. Толпа возрадовалась. Катя выросла в новом мире и четко понимала, что такое поведение людей не несет в себе ничего хорошего, особенно для того, кто стоит у столба. Владимир в ответ снова завел свою религиозную шарманку.

– Вот что я отвечаю сердцу моему и вам и потому уповаю на это: по милости Господа мы не исчезли, ибо милосердие Его не истощилось!¹

Это Катя слышала отчетливо. Он пытался донести, на что всем попросту было плевать. Владимир скандировал до хрипоты, останавливаясь лишь, чтобы набрать в грудь воздуха и снова взяться за проповедь. В толпе

¹ Плач Иеремии 3: 21-22.

пронеслось недовольство и раздражение, раздался свист и крик, подсказывающие, чтобы с ним уже кончали, но Луций почему-то медлил, ожидая пока Владимир выговорится. Складывалось ощущение, что генерал понимал все, о чем проповедовал этот несчастный. Когда тот начал кричать про миссию и второе пришествие, Луций вздрогнул, словно пробудился ото сна, и скинул капюшон. Толпа затихла и даже Владимир, казалось, почувствовал перемены. Его голос становился тише с каждым шагом Луция в его сторону. Генерал наклонился над его ухом, что-то произнес и сделал жест рукой. Из толпы вытащили гроб. Владимира развязали, он сопротивлялся. Потребовалось пятеро мужчин, чтобы затолкать его в деревянный ящик и заколотить крышку. Гроб подхватили под радостные крики толпы и понесли его к сараю. Люди следовали позади, ликуя. Когда они подошли совсем близко, Катя спряталась, выждала время и снова вернулась к наблюдению, но отскочила прочь. С другой стороны на нее смотрел Луций. Через мгновение щелкнул замок на двери. Катя прижалась к стенке как к чему-то спасительному. В проеме двери появилась мрачная фигура Луция, который быстрым шагом подошел к ней, схватил за руку и потащил к выходу. Девочка упиралась, но он с легкостью вышвырнул ее на улицу.

– Тебе интересно, что происходит?

Она не успела произнести и звука, как он схватил ее за шею и сжал так сильно, что она присела. Луций резко пихнул ее вперед и повел за толпой. Они подошли к окраине блокпоста, где уже была выкопана яма. Люди расступились при виде генерала. Он тащил девочку, словно собачонку на привязи и остановился лишь возле самого края канавы, куда уже опустили гроб, из которого все продолжала доноситься проповедь. Катя с ужасом смотрела вниз, боясь пошевелиться. Вокруг стоял гул, а из гроба монотонно изливались слова о милости, человечестве и Боге.

– Знаешь, почему людям нравится насилие? – Луций склонился над ее ухом. Катя, словно листок на ветру, дрожащая всем телом, закачала головой в разные стороны. – Посмотри на них, – он ослабил хватку, и она смогла обернуться. – Что ты видишь? – она лишь пожалала плечами, боясь посмотреть на него. Люди вокруг радовались, кричали, свистели, словно на празднике. – Ты видишь удовольствие! – прокричал он и пихнул ее в яму.

Екатерина ударилась головой о край могилы и упала на гроб, оттуда еще сильнее раздался голос. Владимир драл глотку про миссию, который придет в этот мир и спасет всех от Геенны огненной.

– Закапывайте! – раздался приказ сверху, словно приговор.

На ее тело посыпались комья земли. Они валились на голову, падали за шиворот, мокрые, липкие, холодные. Мерзкая жижа текла по телу и лицу. Катя пыталась подняться, закрыться руками, глаза слезились, дышать становилось труднее, на зубах скрипела грязь. Толпа орала в радостном экстазе, будто на веселой гулянке, а из гроба все еще доносились слова о любви к людям. Девочка не могла даже закричать о пощаде, все силы уходили на то, чтобы закрываться руками от летящих сверху комков.

– Стойте! Вытащите ее!

Девчонка стояла уже по пояс в земле, похожая на чудовище: в комке грязи выделялись только покрасневшие глаза с полопавшимися капиллярами. Радостные крики затихли. Луций припал на одно колено и протянул ей руку.

– Хочешь остаться здесь? – на его лице появилась еле заметная улыбка.

Катя неуверенно схватилась за него как за спасительную соломинку. Крепкая ладонь в кожаной беспалой перчатке, обхватила ее ручонку и без особых усилий вытянула из могилы.

– Пошли, – он толкнул ее вперед. Его люди продолжили закапывать гроб, толпа снова взревела от радости. – Они получают удовольствие от насилия, – звучал голос генерала позади Кати. – Насилие – самый лучший наркотик для человека. Видеть страдания другого, что может быть лучше? Убери удовольствие из всего этого и кому понравится смотреть на то, как потрошат человеческое тело? – Катя остановилась и развернулась. На ее грязном лице застыло то ли негодование, то ли удивление. – Ты не согласна с этим? Поверь мне, – он сделал жест рукой, давая понять ей, чтобы она шла дальше. – Я не такой плохой человек, я просто делаю то, что должен делать. Старому миру пришел конец и мне следует построить новый. Сейчас людям нужно насилие и я даю им это. Нельзя создать что-то новое, не разрушив старое. Нельзя держать зверей в покорности, надеясь только на ласковое слово. А вот кнут они понимают, этот язык доступен всем. Пстой!

Катя замерла на месте. Генерал подозвал к себе двух людей.

– Растопите баню, пусть помоеся. Как отдохнет, приведите ко мне. И смотрите, чтоб никто к ней не прикасался.

– Пошли, – скомандовал один.

Было видно, что из местных, так как вооружен лишь двуручным топором. Те, что прибыли с Луцием, экипированы куда лучше. Второй в полном вооружении, шлем на голове с поднятым стеклом, на плече висело помповое ружье, через тело перекинут патронташ с красными патронами. Прошли сквозь хоздвор, где содержались животные и страшно несло навозом. Спустились вниз к отдельно стоящей постройке, там их встретила пожилая женщина. Та самая, которую Катя видела в толпе. На вид ей было лет сто. Невысокая и смертельно худая, ходила она скрючившись, опираясь на палку, седые длинные волосы торчали из под неряшливо повязанного платка.

– Слышь, старая! Помыть нужно, генерал приказал! – Катю подтолкнули вперед рукоятью топора, и она сделала несколько шагов по инерции.

– Дрова только переводить, – недовольно пробурчала бабка своим беззубым ртом и несколько раз причмокнула.

– Делай что приказано! И зачем он только тебя держит?

– Сплю с ним, – она растянула в безобразной улыбке свой беззубый рот так, что показались гладкие десны, и снова несколько раз причмокнула.

– Тфу! Пристрелить бы тебя! – сплюнув в сторону, произнес парень с топором и скривил рожу.

– Ты, милоч, заходи, если что. Я еще о-го-го что могу.

– Да иди ты! – он окатил старуху отборным матом и с напарником удалился.

– Ты чего это, со свиньями ночевала что ль? Откопали страхолюдину. Ишь, мыть вздумал! Мужикам-то какая разница чистая ты аль грязная? Чего вылупилась, заморыш? Давай, шевели булками! – она больно ударила своей палкой Катю по ноге. – Заходи давай. Сейчас протоплю печь. Принесло тебя на мою голову! Когда ж я сдохну-то?!

Скрипучая дверь отворилась, и в нос ударил приятный запах парной. Бабка пихнула девочку вперед, следом вошла сама, стуча клюкой по деревянному полу, зажгла две лампы. Небольшая комната с длинной скамьей, в углу бочка с водой, с другой стороны лежали камни в железном коробе, с потолка свисали сухие березовые веники. Кате приходилось мыться в бане: пару раз они с Марсом растапливали заброшенные деревенские парные, но тут она все воспринимала с некой опаской. Старуха подкинула дрова в каменную печь, развела огонь и прикрыла чугунную створку своей палкой. Она вела себя так, будто была одна, не замечая девочку. И только спустя примерно час пробурчала:

– Ну вот, теперь уже тепло стало. Раздевайся, – бабка зачерпнула деревянным ковшом воду и плеснула на камни, раздалось шипение, по комнате пополз пар. – Ну, чего замерла?! Впервые в бане что ли?! Раздевайся! Шмотье свое в угол сложи, – она снова поддала пару, воздух стал наполняться влагой.

Бабка, будто палач из преисподней, охаживала веником как розгами тело Кати, потом обливала холодной водой и снова начинала хлестать. Несчастливая лежала на лавке, боясь вдохнуть. Было непонятно, как эта старая кляча вообще выдерживает такую температуру да еще и в одежде. Когда все было закончено, девочке принесли чистую военную одежду немного большего размера, что предавало Кате бесформенный вид, хотя обувь была в самую пору.

– Надо же! – увидев внешний вид девочки, произнесла бабка и, почмокав беззубым ртом, добавила: – Странно все это. Ладно, давай выметайся, – она открыла дверь и вывела девочку на улицу.

Первые глотки воздуха после парилки показались блаженными, да и тело словно парило над землей, было легким как перышко. Катя купалась крайний раз только осенью, когда было еще тепло. Потом наступили холода.

– Эй! Чего застыла?! – вернул ее в реальность голос конвойного с топором.

– Чего разорался, упырь?! – тут же парировала его бабка.

– Когда ты, тварь старая, сдохнешь, я твое тело на куски порублю и скормлю свиньям!

– Когда я сдохну, милоч, можешь меня хоть отодрать, мне все равно будет, – расхохоталась она, причмокивая.

– Вот ведьма! – он взмахнул топором, но замер и медленно опустил его, услышав щелчок ружья.

– Сдурел что ли?! Генерал за нее с тебя шкуру спустит! Остынь и пошли. Не обращай на нее внимания, – остановил его напарник.

– Сука! – он сплюнул в сторону.

– Ступай-ступай, сокол ясный, – растянула беззубую пасть бабка.

Кате дали немного времени прийти в себя, после чего отвели к генералу. У небольшого дома с охранниками перед входом ей указали, чтобы она зашла внутрь. Сквозь полумрак коридора Катя проследовала маленькими шажками чуть ли не на цыпочках, вошла в единственную комнату. Тут было светлее, два окна с правой стороны. Большой длинный прямоугольный стол, два стула по разные стороны от него. Луций сидел, положив руки на стол. Перед ним граненый стакан и бутылка вина, больше ничего. На другой стороне лежала жареная курица, хлеб, картошка, немного солений и стакан с красной жидкостью. Генерал молча указал на место, а сам плеснул себе из бутылки и, покрутив стакан в руке, сделал глоток. Катя с опаской присела на краешек стула.

– Ешь, – словно в пустоту бросил Луций и снова стал крутить стакан в руках.

– Спасибо, я не голодна.

– Во всем мире не хватает еды, многие жрут друг друга, а ты не голодна? Неубедительно звучит. Ешь и не строй из себя героя. Это никому не нужно.

Катя и впрямь еле сдерживала себя. Такого изобилия она не видела никогда. Аромат пищи кружил голову, а рот предательски наполнялся слюной. Она подвинулась поближе к столу, оторвала кусок от курицы, словно воруя, стала жевать, пытаясь не казаться голодной, но скрыть голод не получилось. Ела, откусывая большие куски, глотала, почти не пережевывая. Луций, шурясь, смотрел на девчонку, покручивая стакан в руках. Потом снова налил себе вина на один глоток и выпил содержимое.

– Ну и как тебе старуха?

– Что? – отрываясь от еды, подняла голову Катя.

– Старуха. Та, что тебя отмыла.

– Нормально, – пожимая плечами, ответила она.

– Нормально? – он усмехнулся. – А многие считают ее придурковатой. Если не сказать большего.

– Вы меня убьете? – Катя отодвинула от себя еду.

– Хотел изначально, – он поставил стакан и откинулся на спинку стула, прихватив бутылку. – А перед этим хотел отдать тебя на развлечение своим людям. Но потом передумал, – он сделал глоток из горла.

– Чем же я заслужила такую милость?

– Хочу с помощью тебя добраться до твоего приятеля. Его же зовут Марс? Я ничего не путаю?

– Тогда лучше убейте меня, – Катя произнесла это совсем взрослому. – Я не стану вам помогать, – уточнила она уже задрожавшим голосом.

Луций сделал еще глоток, поставил бутылку на стол и медленно направился к девчонке. С каждым его шагом Катя все больше и больше вжималась в стул. От этого человека веяло холодом и ужасом. Он остановился рядом с ней, какое-то время смотрел, потом вынул из ножен меч. Катя еле проглотила слюну пересохшим ртом.

– Не люблю огнестрельное оружие, – Луций присел перед ней на корточки, клинок уперся острием в пол. – В чем смысл, когда любой, кто может нажать на курок, способен отнять жизнь? Ты можешь убить человека с расстояния в несколько километров, словно в дурацкой игре, – он поднял меч и поднес его к шее Кати, отчего та вздрогнула. – То ли дело холодное оружие. Ты отнимешь жизнь, видя страх в глазах человека. Чувствуешь, как сталь режет плоть, рубит кости. Ты сражаешься один на один, и побеждает тот, кто действительно сильнее. А теперь скажи мне, милая девочка, ты и впрямь готова умереть? – он прикоснулся кончиком острия к ее подбородку и надавил на клинок так, что Кате невольно пришлось приподняться. Из появившейся небольшой ранки начала сочиться кровь. – Ну так что? Все еще думаешь, что умирать легко?

Из глаз девочки потекли слезы, но она лишь крепче стиснула зубы, отрывисто и тяжело задышала. Луций убрал меч в сторону и рассмеялся. Катя медленно села на стул и вытерла рукой кровь, размазывая ее по подбородку.

– Знаешь, почему старуху-банщицу не смеет никто трогать здесь? – Катя покрутила головой в стороны. – Она не боится смерти. Даже меня она не боится. Бабка вообще ничего не боится. Я подобрал ее на дороге несколько лет назад. Она сидела возле трупа своего сына и смеялась. Представляешь? Просто сидела и смеялась. Это произвело на меня особое впечатление.

– Она просто спятила, – тихо пробормотала Екатерина.

– Правда? А разве все остальные нет? А может она освободилась от всего? Стала свободной от тягот жизни, от смерти, от этого мира? Здоровым людям сейчас вообще тяжело. Нормальный человек в этом аду выжить не сможет, только безумец.

– Вы тоже спятили, как и она.

– О-о-о-о! Сколько раз я слышал это, – он развел руки в стороны и прикрыл на несколько секунд глаза. – Мне нужен Марс. А ты сможешь мне заполучить его. Я знаю, он придет за тобой. И кстати, я уже тебе говорил, я не такой уж и плохой человек, – он накинул капюшон на голову и направился к выходу.

– Вы же убьете его?! Да?! И меня тоже!

Луций на мгновение остановился, взглянул на Катю и вышел на улицу, хлопнув дверью.